

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-28-36

Рациональное и эмоциональное в творчестве Симеона Полоцкого

Любовь Викторовна Левшун

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры стилистики английского языка УО «Минский государственный лингвистический университет». Беларусь, г. Минск, ул. Захарова, д. 21

llb55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0837-9222>

Аннотация. Автор рассматривает эмотивную стратегию иеромонаха Симеона Полоцкого в контексте святоотеческого учения об образе и христианской эмотиологии. В частности, отмечается, что в святоотеческой антропологии именно образ, а не понятие, считается наиболее продуктивным инструментом познания; чувственно-эмоциональная сфера человеческого бытия разделяется на «эмоции преобразования», способствующие, через катарсис, обожению человека, и «эмоции внушения», манипулятивно внушающие реципиенту идеи автора, причем первые приветствуются в художественном творчестве, вторые порицаются. С этих позиций произведения барокко, даже оставаясь в кругу религиозной тематики, демонстрируют секулярное отношение к сфере эмоций – конструирование манипулятивной эмотивности рациональными методами. Такая эмотивность секуляризует как само творчество, выводя его за пределы христианского художественного канона: духовное окормление читателя (задача христианской педагогики) сменяется эстетическим и интеллектуальным наслаждением (задача барочных эстетики и гносеологии). Яркие образчики рационального конструирования эмотивности в разножанровых словесных произведениях и секуляризации творчества дает иеромонах Симеон Полоцкий. Переложенная им «Псалтирь рифмотворная» предоставляет читателю возможность превратить молитвенное правило в домашний концерт; в комидиях изысканная эмотивность поэтических средств дисгармонирует с бедностью смысла; в дидактических виршах наиболее эмотивные образы противоречат ортодоксии; сам конструируемый Симеоном образ писателя-апостола представляет, на самом деле, безапелляционного карателя, морально уничтожающего и уничтожающего всякого, кто не соответствует утверждаемому иеромонахом стандарту хорошо образованного, социально корректного, полезного и в этом смысле добродетельного гражданина отечества. Сконструированная различными рациональными способами эмотивность художественных образов в произведениях Симеона Полоцкого призвана убедить адресата в безусловной правоте пишущего, что создает условия для формирования нового типа читателя, который воспринимает художественный текст, не как передатчик Истины, а как источник интеллектуального и эстетического наслаждения.

Ключевые слова: святоотеческая эмотиология, христианская иконология, барокко, Симеон Полоцкий, рациональное и эмоциональное, конструирование эмотивности, образ автора

Исследование выполнено при поддержке БРФФИ (проект Г20Р-383)

Для цитирования: Левшун Л. В. Рациональное и эмоциональное в творчестве Симеона Полоцкого // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 28-36. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-28-36>

Original article

The rational and emotional in the works by Simeon of Polotsk

Lyubov V. Levshun

Doctor of philological sciences, associate professor, professor of english stylistics department, Minsk state linguistic university. Belarus, Minsk, Zakharov st., 21.

llb55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0837-9222>

Abstract. The author examines the emotive strategy of Hieromonk Simeon of Polotsk in the context of the patristic doctrine of the image and Christian emotiology. In particular, it is noted that in patristic anthropology it is the image, but not the concept, that is considered the most productive tool of cognition; the sensory-emotional sphere of human existence is divided into «emotions of transformation», which contribute through catharsis to the deification of a person, and «emotions of suggestion», manipulatively suggesting the author's ideas to the recipient, the former being welcomed

in artistic creation, the latter being condemned. From this point of view, baroque works, even while remaining in the circle of religious themes, demonstrate a secular attitude towards the sphere of emotions – the construction of manipulative emotiveness by rational methods. Such emotiveness secularizes as creativity itself, taking it beyond the boundaries of the Christian artistic canon: the spiritual nourishment of the reader (the task of Christian pedagogy) is replaced by aesthetic and intellectual pleasure (the task of baroque aesthetics and epistemology). Hieromonk Simeon Polotsky gives vivid examples of the rational construction of emotiveness in works of different genres and the secularization of creativity. The «Psaltir' rifmotvornaya» he transcribed provides the reader with the opportunity to turn the prayer rule into a home concert; in comedies, the refined emotiveness of poetic means is in disharmony with the poverty of meaning; in didactic verses the most emotive images contradict orthodoxy; the very image of the apostle-writer constructed by Simeon represents, in fact, a categorical punisher, morally humiliating and destroying anyone who does not meet the standard of a well-educated, socially correct, useful, and in this sense, a virtuous citizen of the fatherland, approved by the hieromonk. Constructed in various rational ways, the emotiveness of artistic images in the works of Simeon Polotsky is designed to convince the addressee of the unconditional correctness of the writer, which creates conditions for the formation of a new type of reader who perceives an artistic text not as a transmitter of Truth, but as a source of intellectual and aesthetic pleasure.

Key words: patristic emotiology, christian iconology, baroque, Simeon of Polotsk, rational and emotional, construction of emotiveness, the image of the author

The study was carried out with the support of the BRFFR (project G20R-383)

For citation: Levshun L. V. The rational and emotional in the works by Simeon of Polotsk. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2021;(4):28-36. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-28-36>

Введение. Обзор антропологических и иконологических представлений христианской культуры относительно рациональной и эмоциональной сфер человека и целесообразности их отражения в художественных произведениях показывает, что и специфика рационального мышления, и эмотивный код языка христианской иконологии (теории художественного образа), на которых основывалась вся европейская средневековая культура, существенно отличаются от секулярной концепции рациональности и эмотивности.

Христианское богословие о рацио. Христианское богословие весьма сдержанно относится как к сфере эмоций, так и к области рацио, хотя не отвергает ни того, ни другого, поскольку полагает, что «из всего объемлемого чувством и созерцаемого умом, ничто не есть сущее в подлинном смысле, кроме превысшей всего сущности, которая всему причина» [Григорий Нисский, ч. 1]. В основе христианской иконологии, как заметил В. В. Бычков, лежит убежденность в том, что высшее знание открывается человеку не в понятиях, а в образах и символах [Бычков, 1977, с. 117]. Понятийное же мышление, согласно святоотеческой антропологии, – ограничено и неглубоко. Так, еще автор Ареопагитик в «Послании Титу-иерарху» охарактеризовал эти два способа познания мира следующим образом: «...богословское учение двояко: одно – неизреченно и таинственно, другое – явлено и постижимо; одно – символическое и ведущее к таинствам, другое философское и аподиктическое

<...> Одно убеждает и делает связной истину говоримого, другое же действует и утверждает в Боге ненаучимым тайноведением» [цит. по Прохоров, 1987, с. 185]. Иначе говоря, философское, аподиктическое суждение (от др.-греч. ἀποδεικτικός, ‘показывающий воочию, доказательный; построенный на фактах’), содержит неполную истину; а символический образ – полную, сверхразумную. Блаж. Августин в «Христианской науке» отметил, что «пособия науки, преподаваемые рукою человека, тогда только пользуют душе, когда делает их полезными сам Бог <...> Кто старается силою слова своего уверить других <...>, тот пусть сперва молится и только потом действует словом своим» [Августин, гл. IV: 33, 34]. Рацио, которое допускали христианские книжники, – это «ум, зрящий Бога», поскольку только такой ум способен, по мысли свт. Григория Нисского, «не составлять себе ложного понятия о сущем» [Григорий Нисский, ч. 1]. Поэтому, как только рацио обособляется от Истины, оно превращается в систему мертвых приемов (τήχη, или schola), позволяющих с одинаковым успехом «убеждать и в истинном, и в ложном» [Августин, гл. IV: 3]. Художественный образ, основанный исключительно на рационально-понятийном суждении, изображает не собственно Истину (она объективно недоступна рацио), а произведенную по известным правилам дискурсивно-логическую реконструкцию Истины, заведомо неполную и неточную.

Святоотеческое учение об эмоциях. Эмоции, согласно святоотеческой антропологии, суть проявление многообразных страстей, трактуемых как «болезни ума». По мнению, например, преп. Максима Исповедника, страсть – это импульс души, противоречащий природе [Максим Исповедник, гл. 32–33], «страсть достойна порицания, как неестественное движение души» [Максим Исповедник, гл. 35]. Св. Григорий Нисский, называя человека рациональным животным («*logikos*»), утверждал, что бытие интеллектуальной части души часто нарушается вмешательством страстей, *pathema*, по причине чего «кто по природе человек, тот по страсти делается скотом» [Григорий Нисский, [https](https://...), ч. 1], и только разум может контролировать страсти. Впрочем, еще стоики определяли добродетель как *ἀπάθεια* и полагали, что эмоции суть ошибки в рассуждении разумной души [см., напр. Гаджикурбанова, 2005].

В христианской антропологии чувственно-эмоциональная сфера человеческого бытия разделяется на две области – *духовную*, в которой обретаются «внутренние, или умные, чувства», и *телесную*, где преобладают «внешние чувства». Две эти области можно охарактеризовать соответственно как «эмоции преображения», способствующие, через катарсис, свободному раскрытию потенциала личности, и «эмоции внушения», манипулирующие сознанием реципиента с целью внушить ему идеи автора. В художественном каноне христианской культуры привлечение первых оценивалось положительно – как содействующее духовному возрастанию и обожению реципиента; к использованию вторых отношение было резко отрицательным – как к инструменту манипуляции человеческими страстями для достижения чьих-то личных целей, либо как к проявлению духовного «младенчества» писателя. Превалирование в художественном произведении «эмоций внушения» – показатель секулярности авторского самосознания, когда эмотивы используются либо для «выплеска» собственных эмоций пишущего, либо с прагматическим намерением внушить читателю нужную эмоциональную оценку. И именно «эмоции внушения» нуждаются в рации как необходимом инструменте своего генерирования.

Рациональное и эмоциональное в культуре барокко. Наиболее ярко симбиоз рационального и эмоционального проявлен в культуре барокко, которая в регионе *slavia orientalis* предстает как «жемчужины разумения», чьи произведения,

вместе с тем, обретают вид и характер яркого впечатляющего зрелища [ср. Еремин, 1948, с. 126], призванного изумлять и удивлять читателя. Для этого используются «разнообразные декоративные приемы <...> символическо-метафорического стиля, иероглифика и эмблематика <...> фигурные, контурные стихи» [Сазонова, 1991, с. 78, 75, 20, 43]. Расшифровка этих «иероглифов премудрости» может быть самой непредсказуемой, но чем она неожиданнее, тем выше ее эмотивный потенциал и тем она художественнее в представлении мастеров барокко. Однако, с точки зрения христианской иконологии, такое творчество, оставаясь религиозным по тематике, создает либо «плоские, пошлые выдумки, рассудочные выверты, мертвые трафареты», либо «бесформенный хаос, больные химеры, извращенные сновидения наяву» [Ильин, 1990, с. 10], притягательные именно своим эмотивным потенциалом – способностью поражать культивируемое в барокко воображение.

Иеромонах Симеон Полоцкий в своем творчестве дает блестящий образчик этого нового взгляда на мир и писательство. В его произведениях мы обнаруживаем виртуозное конструирование манипулятивной эмотивности, демонстрирующее замечательный симбиоз рационального и эмоционального: «*пишущаго рифмотворения равномѣриемъ слоговъ по различнымъ устройшиася родомъ*, – пишет он, к примеру, в предисловии к «Вертограду многоцветному», – *того ради да присвойственную себѣ сладостию сердца чинителей приятнѣйший суще, аки нуждею влекутъ я ко чтанію частѣйшему <...> наслаждающая суть слухи и сердца слышащихъ*» [Simeon Polockij, 1996, с. 6], а в «Жезле правления» высказывает, например, такое мнение: «*когда еще кое пение согласия ради своего, бл(а)го разумне ухитрствованнаго <...> будетъ приятно, много бо ползовати можетъ человека*» [Жезл, л. 95–95 об.]. Утверждая необходимость «приятности», то есть обязательной эмотивной окрашенности произведений, писатель создает весьма продуктивный механизм секуляризации творчества. Вместе с тем, это, пожалуй, один из главных способов рационального конструирования эмотивности в произведениях Симеона Полоцкого. По замечанию Л. И. Сазоновой, «Симеон Полоцкий выступил как представитель эстетической концепции, преемственно воспринятой барокко от Ренессанса, согласно которой «ум не довольствуется одной только истиной, он требу-

ет еще красоты». Эта концепция позволила ему <...> отойти от буквы догматического текста и приступить к решению собственно литературных задач» [Сазонова, 1991, с. 26].

Эмоциональное и рациональное в «Псалтири рифмоторной». Решение же «собственно литературных задач» почти автоматически выводит творчество за пределы художественного канона христианской культуры. Так очевидно десакрализуется при стихотворном переложении Псалтирь. Объясняя в предисловии к «Псалтири рифмоторной», для чего нужно было стихотворное переложение священного текста, поэт пишет, что на Руси так полюбили *«сладкое и согласное пение полския Псалтири, стихотворно предложеныя»*, что ее стали петь всюду, *«мало или ничтоже знающе и точию отъ сладости пения увеселяющиеся духовне»* [цит. по Симеон Полоцкий, 1953, с. 213]. Симеон решил исправить это положение, дав слушателю столь же (как он уверен) сладкозвучный, но вместе с тем и понятный текст, чтобы ум, нуждающийся не только в истине, но и красоте, наслаждался и тем, и другим. Правда, Симеон заметил, что рифмоторные псалмы предназначены для пения не в соборе, а чтобы *«в домех оны честно пети»*, как видимо, пелась и Псалтирь в переложении Яна Кохановского. И это свидетельствует о том, что в домах любителей «сладкого и согласного пения» молитвенное правило превращалось в домашний концерт, где духовное окормление слушателей подменялось эстетическим их улаждением. «Перед нами, – как верно заметил С.А. Демченков, – не перевод в собственном смысле слова, основное назначение которого состоит в том, чтобы ознакомить читателя с ранее неизвестным ему (или известным не в полной мере) произведением, а скорее литературный манифест, декларирующий возможность нового, принципиально иного художественного видения» [Демченков, 2007, с. 25–26]; Симеон Полоцкий «подошел к своей задаче как поэт, для которого псалмы были только материалом для выражения в привычных формах религиозной образности нового, индивидуально-личного содержания» [Серман, 1962, с. 217] и чувства.

О характере эмотивности и рации в комедиях Симеона. То же целенаправленное конструирование эмотивности в ущерб смыслу мы видим и в стихотворно-драматических переложениях Симеоном Полоцким текстов Писания: «Комедии о блудном сыне» и «Комедии о Навуходоносоре-царе». В прологе первой Симеон

объясняет зрителям, что изобразил евангельскую притчу в драматической форме, потому что в действии лучше запечатлевается содержание. Это заявление можно было бы считать вполне согласным с принципами христианской педагогики, предписывающей, по апостолу, «быть всем для всех» [1 Кор. 9:19–22] и подавать «младенцам» в вере – «молоко» учения, и только совершенным – «совершенную пищу» [см. 1 Кор. 3:2, Евр. 5:12, 13], – можно было бы, если бы не очевидное противоречие между формой и содержанием. Изысканность поэтических средств дисгармонирует с бедностью смысла. «Комедии» Симеона писались не для народного и не для школьного, а для придворного театра, зрителями которого были прилично образованные по тем временам люди, среди которых – облеченные священным саном и сам «христианнейший государь», то есть отнюдь не «младенцы», которым следовало преподавать основы вероучения. Между тем содержание взятых из Писания фрагментов редуцировано в «комедиях» Симеона Полоцкого до минимума понимания «младенцев». К примеру, в эпилоге «Комедии о блудном сыне» автор извлекает из неисчерпаемой вероучительной глубины евангельской притчи всего две полезные мысли: первая – дети должны подчиняться родителям, а родители – наставлять своих детей; вторая – покаявшихся следует прощать, подражая милующему всех Богу; *«Юным се образ старейших слушати, / На младый разум свой не уповати, / Старим – да юных добре наставляют, / Ничто на волю молодых не спущают, / Наипаче образ милости явился, / Въ немъже Божья милость вобразися, / Да и вы Богу въ ней подражаете, / Покаявшимся удобъ прощаете!»*. Впрочем, вероучительные цели, вопреки заявлению автора, в «комедиях» очевидно не преследовались; все внимание драматурга сосредоточено на том, чтобы придать изложению изящную и увлекательную, то есть максимально эмотивную форму; чтобы, согласно поэтическим принципам барокко, поразить зрителя новизной и необычностью изложения «старого» сюжета.

Конструирование эмотивности в «виршах» Симеона Полоцкого. Стремление к максимальной эмотивности произведений приводит Симеона к тому, что интерпретации христианского учения в его многочисленных «виршах» бывают настолько курьезны, что принуждают сомневаться в правоте автора. Например, в четверостишии «Безказние» («Вертоград многоцвет-

ный») Симеон совершенно серьезно заявляет: *«Иже злобы злобником без казни прощает, / сам есть тать ли разбойник, яко попускает, / И зѣло лютѣ Богом сужден имать быти, / яко мог, не хотяше злобы истребити»*. И эта сентенция прямо противоречит словам Христа «Азъ же глаголю вамъ не противитися злу» [Мф 5:39], «любите враги ваша, добро творите ненавидящымъ васъ, благословите кленущия вы, и молитесь за творящихъ вамъ обиду» [Лк 6:27–28] и др. и апостола, напоминающего: «Писано бо есть: Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ» [Рим 12:19].

В коротеньком «виршике» из «Вертограда многоцветного», названном «Воздержании» и посвященном поныне актуальной проблеме посылности возлагаемых на себя обетов, вполне в духе святоотеческой аскетики и педагогических принципов Типикона Симеон утверждает: *«Воздержаніе аще безмерно храниши, / Множицею души ти вред велий твориши: / Плоти бо изнемогшей умъ недобръ бываетъ, – / Разсужденіе въ меру вся да устрояетъ!»* Однако завершается «вирш» неожиданной в данном контексте сентенцией: *«Адамъ и Евва не воздержна быста – / Весь мир единым яблоком вредиста»*. Соположение смыслов обеих частей приводит к более чем курьезному и по сути еретическому, в свете христианского учения, выводу: по-видимому Господь, «не в меру рассудив», возложил на прародцев «безмерное» воздержание, которое соделало их душам «вред велий», от которого «изнемог» и стал «недобрым» их ум, потому они и «повредили весь мир яблоком единым».

Изумляющей курьезностью, граничащей едва ли не с прямым кощунством, отличается эмотивная аллегория, сконструированная Симеоном в «вирше» «Молитва (Скалигер)» из того же «Вертограда многоцветного»: *«Хамелеону вражда естеством всадися / к животным, ихже жало яда наполнися. / Видя убо он змия, на древо всхождает / и из усти нить на него некую пуцает, / В ея же конце капля, что бисер сияет, / юже он ногою на змия управляет. / То повнегда змиевой главе прикоснется, / абие ядоносный умерщвлен прострется. / Подобно действо имать молитва святая / на змия ветха из уст наших пуценная, / В ней же имя ИИСУС, як бисер, сияет, / демона лукаваго в силе умерщвляет. / Трепещут сего беси, отсюду гонзаят, / чрез то заклинаеми где-либо бывают»*. Христианская молитва уподобляется Симеоном плевку хамелеона, а Иисусово имя в ней – смертоносно-

му яду. Разумеется, можно возразить, мол, плевков и яд – для «демона лукаваго» и бесов. Но неэтичность данных «инструментов» борьбы с лукавым, а вместе с тем и кощунственность подобных сопоставлений очевидны лишь с точки зрения христианской сотериологии и канонического христианского художества; в секулярном же рационалистического склада художественном сознании уместность приведенного концепта оправдана его высоким эмотивным потенциалом, а потому полностью нивелирует вероучительную ущербность данного образа.

Образ писателя. Рациональное конструирование эмотивности Симеоном Полоцким касается и такого важного явления, как создание нового для восточнославянской культуры образа писателя, для чего используются реминисценции и аллюзии из пророческих книг, апостольских посланий и святоотеческих писаний, что возводит авторитет писателя до уровня пророка, апостола или отца Церкви. Так, в предисловии к своему «Вертограду многоцветному» Симеон, используя широчайший арсенал эмотивных средств, обозначает свои творческие цели: *«не что ино первоначѣмъ ѣрствуется, точию слава, честь, хвала, благодарствіе, величаніе Создателя всяческих, второ же усмотряется всѣх душевная вѣрных полза и спасеніе»*, «славы, еяже аз ми не требую в мирѣ сем, яко оставлей ѿ со всѣми его красными суетами и суетными красоты, не ищу оныя от челоуѣкъ написаниемъ книги сея, но глаголю со царствующимъ пророкомъ: Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу. <...> Мнѣ же, грѣшному, даждь славу, от Тебе Самаго сущую?» [Simeon Polockij, 1996, с. 4, 6–7] Перед нами образ уже не «скромной и трудолюбивой пчелы» [ср. Ключевский, 1983, с. 302], каковым мыслил и представлял себя древнерусский книжник, а – пророка, апостола, которому Сам Господь вручил «жезл правления» и поручил «утверждение колеблющихся во вере», «наказаніе непокоривыхъ овецъ», «пораженіе жестоковѣрныхъ и хищныхъ волковъ, на стадо Хр(и)стово нападающихъ», как отмечено в титуле «Жезла» [Жезл, 2013, л. 1nn]. Писательство осознается Симеоном как высший «личный нравственный подвиг» [Панченко, 1973, с. 177]; «просвещающая и воспитывающая людей, – замечает Л. И. Сазонова, – он „апостольствуетъ“» [Simeon Polockij, 1996, с. XVIII].

Вместе с тем, оказывается, что «славы, яже от единого Бога» мало, несмотря на заявления, и самому Симеону: «возмездие же временное по-толику желателно, поелику нужно к доволному препитанию» [Simeon Polockij, 1996, с. 7]; ратуя за распространение «рифмоторного писания», он надеется, что «честь имать и ублажение и творцев си достойнаго не лишает от Бога и от человек возмездия и славы» [Simeon Polockij, 1996, с. 6]. При этом писатель просит защиты отнюдь не у Бога, а у царя: «от ядовитаго ихъ («псов», то есть противников. – Л. Л.) угрызения ты, православный ц(а)рю, не удали помощи твоея от мене, на заступление мое вонми» [Жезл, 2013, л. 3нн^{об}]. И далее обращается к земному правителю словами псалмов, обращенных Богу, как делал это некогда Даниил Заточник: «„изми от оружия д(у)шу мою и из руки песья единокровную мою” [Пс. 21:21]. Сп(а)си насъ „от устъ лвовъ и от рогъ единорождъ” [Пс. 21:22] – смирение наше. Того бо дея мы "под кровь крилу твоею" [Пс. 16:8] со Жезломъ симъ прибегаемъ, да крепостию защищения пресилныхъ десницы твоя безбедни пребудемъ» [Жезл, 2013, л. 3нн^{об}]. Перед нами – писатель-профессионал, для которого словесное творчество стало способом социального утверждения и материального благополучия, который «рассчитывал получить удовольствие от текста и реальную, земную пользу от творчества» [Калугин, 1991, с. 114]. Это новый образ писателя, конструируемый Симеоном Полоцким, по сути уже секулярен, несмотря на религиозно окрашенную риторику, с помощью которой он обрисовывается: Л. И. Сазонова отмечает «позицию Симеона как воспитателя общества, ставящего себе цель получения и просвещения как основную» [Simeon Polockij, 1996, с. XXI], однако при этом под просвещением понимается уже не содействие обожению христианина, а формирование гармонично развитого, хорошо образованного, социально корректного, полезного и в этом смысле добродетельного гражданина отечества. «Обряцет здѣ, – обращается Симеон к читателю «Вертограда многоцветного», – благородный и богатый врачевства недугом своим, гордости – смирение, сребролюбю – благорасположение, скупости – подаяние, велехвалству – смиренномудрие. Обряцет худородный и нищий своим недугом цѣлебная, роптанию – терпѣние, татбѣ – трудолюбие, зависти – тлѣнных презрѣние. Обряцет

неправду творящий врачебное недугу си былие, правды творение, гнѣливец – кротость и прощение удобное, лѣнивец – бодрость, глупец – мудрость, невѣжда – разум, усумляющийся в вѣрѣ – утверждение, отчаянник – надежду, ненавистник – любовь, продерживый – страх, сквернословец – языка обуздание, блудник – чистоту и плоти умерщвление, пияница – воздержание и всякими инѣми недуги одержимии обряцут по своей нуждѣ полезная былия и цѣлѣбны» [Simeon Polockij, 1996, с. 5–6].

Образ мудрости: эмоцио и рацио. В творческом наследии Симеона Полоцкого представлено новое понимание не только писательского творчества, но и мудрости: Симеон отождествляет мудрость не с причастностью Истине, а с умением доказать свою правоту в религиозном споре. «Б(о)гу поспешествующу, – обещает он, – посечемъ и сокрушимъ симъ „Жезломъ” вся части хуления твоего. Возобличимъ тя подробну, и хощемъ яве всемъ православнымъ показати твое безумие и неискусство, и слепоту разума твоего, яко очи имея – не видиши, и уши имея – не слышиши» [Жезл, 2013, л. 19^{об}–20]. Этому способствуют эрудиция, образованность, остроумие обличающего и, конечно же, умение конструировать эмотивные высказывания, помогающие убедить реципиента: наделение эмотивной коннотацией узואльно нейтральных выражений и наведение эмосем на нейтральные контексты, делающее их ярко экспрессивными и тем самым (как полагает писатель) неопровержимыми. Например, в «Жезле правления» руководители церковного раскола характеризуются Симеоном не просто как «безумные» и «скотоумные», хотя и сами эти лексемы имеют в христианской культуре некий базовый эмотивный смысл, но как «слепоумные», где эмотивность усилена метафорой; «злохулные», где эмотивность усилена тавтологией, «суемудрые пустынники», где эмотивность усилена оксюморонами; «не богословцы, а буюсловцы», где эмотивность усилена антитезой и т. д. При этом эмотивным приемам в рассуждениях Симеона сопутствует утонченная логика, ом «искусности» ума – «тонкость словес», так что для разумения его высокоумных писаний слушателям необходим образованный ум и некоторый навык, поскольку «здоровое сырище всякую пищу добре варить и ползу даетъ плоти, немощное паки и здравотворными ядами повреждается, не могуще ихъ сварити. Тако и умъ

бл(а)горазсудный, всякое писание д(у)шеполезно читая, бл(а)гоползуется. Ум же неискусный и в душеполезных вред себе обретает, не могий добре тонко писания разсудити» [Жезл, 2013, л. 33–33^{об}]. Симеон советует обличаемым им «безумным» «поискать разума у искуснейших» [Жезл, 2013, л. 32^{об}] и вместе с тем дает весьма впечатляющие образчики этого всепобеждающего «разума», уничтожая противника словесным «жезлом железным» [Откр. 2:27]: «Клевещеши, окаянне, на ц(е)рковной ниве родитися плевеломъ еретичества, – набрасывается он на Никиту Пустосвята. – Свиния еси, попирающая бисеры, не зная ихъ цены; вепръ еси гнусный в ц(е)рко(вн)омъ вертограде <...> лись еси, губяй виноградь ц(е)рковный <...> Плевелми нарицаеши добрую пшеницу, от великихъ ц(е)рковныхъ учителей сеянную» [Жезл, 2013, л. 20]; «яко бо козлицъ бл(а)гая и плодоносная дрeвеса об[ъ]ядаетъ и губитъ, свиния же сквернымъ носомъ вертоградь рыетъ и нивочтожествуетъ, тако и скотоумный сей Никита сотвори в саде бл(а)гоплодовитомъ и в вертограде бл(а)говонноцветномъ с(вя)тыхъ писаний» [Жезл, 2013, л. 29^{об}–30].

Комментируя то или иное выражение из критикуемых им «плевелных словес» своих оппонентов, придворный книжник нарочито и с нескрываемым чувством безусловного интеллектуального превосходства демонстрирует проявление того, что он считает мудростью – широчайшую эрудицию и высочайшую образованность. Он то и дело иронизирует по поводу неграмотности своих «малоумных» противников, не способных постигнуть «силы и разума словесъ предложенныхъ» [Жезл, 2013, л. 20^{об}]: «державъ во б(о)гословския глубины умъ свой пущати, се на бреже грамматическаго разума и в мелкости ея утопает: с(о)лнце хотевый соглядати, стези не видитъ» [Жезл, 2013, л. 23]; «не вестъ он и алфа гречески чести» [Жезл, 2013, л. 54] и т. д. Так рацию, в христианской культуре вспомогательное и ответственное лишь за «внешнюю мудрость», возводится книжником, в должный внушать наивысшее почтение признак ученой писательской элиты [ср. Ключевский, 1983, с. 117].

При этом придворного богослова совершенно не беспокоит «грубый тон <...> странный и оскорбительный для нашего веротерпимого слуха» [Порфирьев, 1891, с. 665], противоречащий основам христианской педагогики. Симеон Полоцкий дает нам впечатляющие образчики блещущей ученостью и эрудицией интеллектуаль-

ной «гордыни, проникнутой нехристианской нетерпимостью» [ср. Ключевский, 1983, с. 302, 303]. «Сие твое обличение, – презрительно бросает он попу Лазарю, – оплевати паче и обругати подобаетъ, и уста лживыя жезломъ, аки псу лающему, заградити, неже ответъ давати, не веси бо, еже г(лаго)леши» [Жезл, 2013, л. 130].

Заключение. Творческое наследие Симеона Полоцкого дает нам, таким образом, яркие образцы тесного и успешного взаимодействия противоположностей: эмотивный потенциал произведений сознательно и целенаправленно конструируется книжником различными рациональными способами; эмоциональность создаваемых образов внушает читателям должное отношение к прочитанному и убеждает в безусловной правоте пишущего. Представляя уже вполне секулярную схему взаимодействия автор-произведение-читатель, Симеон Полоцкий тем самым создает условия для формирования и воспитания читателя нового типа, читателя, который воспринимает художественный текст не как передатчик Истины, а как источник интеллектуального и эстетического наслаждения.

Библиографический список

- Августин Аврелий. Христианская наука или основания герменевтики. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/hristianskaja-nauka-ili-osnovanija-germenevtiki-i-tserkovnogo-krasnorechija/ (дата обращения: 15.08.2020).
- Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. Москва : CODA, 1997. 342 с.
- Бычков В. В. Византийская эстетика. Москва : Искусство, 1977. 200 с.
- Гаджикурбанова П. А. Стоическая теория аффектов // Этическая мысль. 2005. Вып. 6. С. 76–89.
- Гаспаров М. Л. Оппозиция «стих – проза» и становление русского литературного стиха // Русское стихосложение: Традиции и проблемы развития. Москва : Наука, 1985. С. 264–277.
- Григорий, епископ Нисский. О жизни Моисея законодателя, или о совершенстве в добродетели. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/o_moisee/ (дата обращения: 15.08.2020).
- Демченков С. А. «Псалтирь рифмовторная» Симеона Полоцкого: принципы поэтической обработки библейского текста // Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики) : сб. науч. ст. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 24–33.
- Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. 1948. Т. 6. С. 125–153.
- Жезл правления = Посах кравання = The Governing Crosier : Исследование. Текст / Симеон По-

лоцкий : автор исследования А. Суша, возобновленный текст, перевод с церковнославянского языка и составление словарей А. Брезгунова. Минск : Издательство Национальной библиотеки Беларуси, 2013. 398 с.

Ильин И. А. Основы христианской культуры. Мюнхен : Изд. братства преп. Иова Почаевского, 1990. 50 с.

Калугин В. В. «Книги» : отношение древнерусских писателей к книге // Древнерусская литература : Изображение общества / В.К. Былинин, А. С. Демин, А. С. Елеонская и др.; отв. ред. А. С. Демин; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва : Наука, 1991. С. 85–117.

Каптерев Н. Ф. О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия славяно-греко-латинской академии // Прибавления Творениям св. Отцов. 1889. Ч. 44. Кн. 4. С. 588–679.

Ключевский В. О. Об Интеллигенции // Неопубликованные произведения / сост. Р. А. Киреева, А. А. Зимин; отв. ред. академик М. В. Нечкина. Москва : Наука, 1983. С. 298–308.

Максим Исповедник, преп. Четыре сотни глав о любви. Электронный ресурс. URL: http://yakov.works/acts/07/2/isp_dobr3.htm. (дата обращения: 20.08.2020).

Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского. Киев : тип. М. Т. Мейнандера, 1914. 66 с.

Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Ленинград : Наука, 1973. 277 с.

Порфирьев И. Я. История русской словесности. Часть I: Устная народная и книжная словесность до Петра В. Изд-е 5-е. Казань : Типография Имп. Университета, 1891. 724 с.

Преображенская А. А. Авторские изменения в библейском тексте: цитаты в проповедях Симеона Полоцкого // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2018. № 1. С. 115–126.

Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Ленинград : Наука, 1987. 293 с.

Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII начало XVIII в.). Москва : Наука, 1991. 262 с.

Серман И. З. «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в. // ТОДРЛ. Т. XVIII. М.-Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 214–232.

Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / подгот. текста, ст. и коммент. И. П. Еремина; отв. ред. М. О. Скрипиль; ред. изд-ва А. И. Соболева. Москва, Ленинград : Изд-во АН СССР, 1953. 281 с.

Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnyj / Ed. by A. Hippisley, L. I. Sazonova. Foreword by D. S. Lihačev. T. 13. Kohn; Weimar; Wien : Bohlau Verlag, 1996. Vol. 1. 356 с.

Reference list

Avgustin Avrelij. Hristianskaja nauka ili osnovanija germenевtiki = Augustine Aurelius. Christian science or the foundations of hermeneutics. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/hristianskaja-nauka-ili-osnovanija-germenевtiki-i-tserkovnogo-krasnorechija/ (data obrashhenija: 15.08.2020).

Averincev S. S. Pojetika rannevizantijskoj literatury = The poetics of early Byzantine literature. Moskva : CODA, 1997. 342 s.

Bychkov V. V. Vizantijskaja jestetika = Byzantine esthetics. Moskva : Iskusstvo, 1977. 200 s.

Gadzhikurbanova P. A. Stoicheskaja teorija affektov = The stoic theory of affects // Jeticheskaja mys'l'. 2005. Vyp. 6. S. 76–89.

Gasparov M. L. Oppozicija «stih – proza» i stanovlenie russkogo literaturnogo stiha = «Poem – prose» opposition and the establishment of Russian literary poetry // Russkoe stihoslozhenie: Tradicii i problemy razvitiija. Moskva : Nauka, 1985. S. 264–277.

Grigorij, episkop Nisskij. O zhizni Moiseja zakonodatelja, ili o sovershenstve v dobrodeteli = On the life of Moses the lawgiver, or on the perfection of virtue. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/o_moisee/ (data obrashhenija: 15.08.2020).

Demchenkov S. A. «Psaltir' rifmotvornaja» Simeona Polockogo: principy pojeticheskoi obrabotki biblejskogo teksta = Simeon Polotsky's «Psalter of rhyme»: principles of poetic processing of the biblical text // Klassicheskaja slovesnost' i religioznyj diskurs (problemy aksiologii i pojetiki) : sb. nauch. st. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2007. S. 24–33.

Eremin I. P. Pojeticheskij stil' Simeona Polockogo = Simeon Polotsky's poetic style // TODRL. 1948. T. 6. S. 125–153.

Zhezl pravlenija = Posah kiravannja = The Governing Crossier : Issledovanie. Tekst / Simeon Polockij : avtor issledovanija A. Susha, vozobnovlennij tekst, perevod s cerkovnoslavjanskogo jazyka i sostavlenie slovarej A. Brezgunova. Minsk : Izdatel'stvo Nacional'noj biblioteki Belarusi, 2013. 398 s.

Il'in I. A. Osnovy hristianskoj kul'tury = The basics of Christian culture. Mjunhen : Izd. bratstva prep. Iova Pochaevskogo, 1990. 50 s.

Kalugin V. V. «K#nigy» : otnoshenie drevnerusskikh pisatelej k knige = «Books». Old Russian writers' attitude to the book // Drevnerusskaja literatura : Izobrazhenie obshhestva / V.K. Bylinin, A. S. Demin, A. S. Eleonskaja i dr.; отв. red. A. S. Demin; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва : Наука, 1991. С. 85–117.

Kapterev N. F. O greko-latinskih shkolah v Moskve v XVII veke do otkrytiija slavyano-greko-latinskoj akademii = On the Greek-Latin schools in Moscow in the XVII century before opening the Slavic-Greek-Latin Academy // Pribavlenija Tvorenijam sv. Otcov. 1889. Ch. 44. Kн. 4. S. 588–679.

Kljuchevskij V. O. Ob Intelligencii = About Intelligentsia // Neopublikovannye proizvedenija / sost. R. A. Kireeva, A. A. Zimin; otv. red. akademik M. V. Nechkina. Moskva : Nauka, 1983. S. 298–308.

Maksim Ispovednik, prep. Chetyre sotni glav o ljubvi = Four hundred chapters about love. URL: http://yakov.works/acts/07/2/isp_dobr3.htm. (data obrashhenija: 20.08.2020).

Maslov S. I. Biblioteka Stefana Javorskogo = Stephan Jaworski's library. Kiev : tip. M. T. Mejnandera, 1914. 66 s.

Panchenko A. M. Russkaja stihotvornaja kul'tura XVII veka = Russian poetic culture of XVII century. Leningrad : Nauka, 1973. 277 s.

Porfir'ev I. Ja. Istorija russkoj slovesnosti. Chast' I: Ustnaja narodnaja i knizhnaja slovesnost' do Petra V. = History of Russian literature. Part I: Folklore and book literature before Peter the Great. Izd-e 5-e. Kazan' : Tipografija Imp. Universiteta, 1891. 724 s.

Preobrazhenskaja A. A. Avtorskie izmenenija v biblejskom tekste: citaty v propovedjah Simeona Polockogo = Author's alterations in the biblical text: quotations in Simeon Polotsky's sermons // Slověne =

Slovene. International Journal of Slavic Studies. 2018. № 1. S. 115–126.

Prohorov G. M. Pamjatniki perevodnoj i russkoj literatury XIV–XV vekov = Monuments of translated and Russian literature from XIV–XV centuries. Leningrad : Nauka, 1987. 293 s.

Sazonova L. I. Pojezija russkogo barokko (vtoraja polovina XVII nachalo XVIII v.) = Russian Baroque poetry (second half of the XVII beginning of the XVIII century). Moskva : Nauka, 1991. 262 s.

Serman I. Z. «Psaltyr' rifmotvornaja» Simeona Polockogo i russkaja poezija XVIII v. = Simeon Polotsky's «Psalter of rhyme» and XVIII century Russian poetry // TODRL. T. XVIII. M.-L. : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1962. S. 214–232.

Simeon Polockij. Izbrannye sochinenija = Selected works / podgot. teksta, st. i komment. I. P. Eremina; otv. red. M. O. Skripil'; red. izd-va A. I. Soboleva. Moskva, Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1953. 281 s.

Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnyj / Ed. by A. Hippisley, L. I. Sazonova. Foreword by D. S. Lihačev. T. 13. Kohn; Weimar; Wien : Bohlau Verlag, 1996. Vol. 1. 356 s.

Статья поступила в редакцию 24.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.

The article was submitted on 24.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.